ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(510)
DOI: 10.17223/19988613/65/11

И.Р. Гарри

ХОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ НИНЦО-ГОНПА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исследование проведено в рамках государственного задания, проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310263-7.

Статья посвящена исследованию истории и современного положения тибетского буддийского монастыря Нинцо-гонпа, расположенного в поселке Сяншуй уезда Тау Тибетского автономного округа Кандзе провинции Сычуань. На основании ввода в научный оборот тибетских и китайских источников, а также собственных полевых материалов автор показывает в исторической перспективе, как традиционная монастырская система Тибета восстанавливает свои социальные функции в обществе и начинает играть существенную роль в политической жизни региона.

Ключевые слова: Нинцо-гонпа; тибетский буддийский монастырь; Восточный Тибет; княжества Хор.

До инкорпорации тибетских регионов в состав КНР в них существовала система «единства религии и политики» (тиб. – chos-srid zung-ʻbrel, кит. – zhengjiao heyi), в которой тибетская монастырская система либо обладала всеобъемлющей политической властью над местным населением, либо делила ее со светскими правителями. Понимание тибетского общества как религиозного являлось и остается поныне основой тибетской национальной идентичности. В настоящей статье взаимодействие религии и политики в Тибете в исторической перспективе и на современном этапе рассматривается на примере монастыря Нинцо-гонпа, расположенного в уездном городе Сяншуй уезда Тау (кит. – Даофу) Тибетского автономного округа Кандзе (кит. – Ганьцзы) провинции Сычуань.

Монастырь является одним из 13 так называемых Хорских монастырей Кхама. Хорский регион, в свою очередь, являлся одним из традиционных политий Кхама. Нинцо-гонпа исторически и традиционно имел в нем большой вес не только в религиозном отношении, но также в политическом, экономическом и даже военном, осуществляя в тесной взаимосвязи со светскими правителями политическую власть в регионе. Отделение религии от государства, осуществленное в период «демократических реформ» и «культурной революции», подорвало основу функционирования монастыря, и он практически прекратил свое существование. Однако объявленные после смерти Мао Цзэдуна реформы стимулировали его быстрое возрождение и восстановление его прежних функций в обществе. Что способствовало быстрому возвращению монастыря в социокультурное и политическое пространство региона? Почему хорские монастыри стали главными агентами распространения в Кхаме влияния школы гэлукпа? Какое место занимал монастырь Нинцо-гонпа и другие Хорские монастыри в истории Хорского региона и всего этнографического Тибета в целом? Какую роль играл монастырь в сино-тибетском конфликте, во многом повлиявшем на специфику хорской идентичности? Какую роль играет монастырь в современной жизни региона? Данная статья делает попытку ответить на все эти вопросы.

Поскольку тема является практически не изученной в тибетологии и китаеведении, основной нашей целью было представить феномен Хорского региона и его монастырей в исторической перспективе и на современном этапе в контексте монголо-тибетских и сино-тибетских взаимоотношений в Кхаме. На примере монастыря Нинцо-гонпа мы показываем, что, несмотря на разрушение «системы единства религии и политики», на протяжении столетий скреплявшей хорскую идентичность, тибетская монастырская система не только возвращает свое важнейшее место в обществе, но и начинает оказывать существенное влияние на политическую повестку дня. Статья написана на основе тибетских и китайских источников и отчетов путешествий в Кхам первых европейцев. Среди тибетских источников мы главным образом использовали «Историю монастыря Нинцо-гонпа», написанную Пелджор Пунцогом [1]. Среди китайских источников наиболее важной работой для нашей темы стали «Избранные материалы по тибетским монастырям» [2]. Такие книги, как «Земля лам: записки путешествия через Китай, Монголию и Тибет» Уильяма Рокхилла [3] и «Монголия и Кам» Петра Козлова [4] представили материал из первых рук европейских ученых, в числе

первых осуществивших путешествие в Восточный Тибет. Третий раздел статьи написан преимущественно на основе полевых исследований автора, совершенных во время поездок в регион с 2011 по 2015 г.

Хорские княжества: от Юань (1271–1368) до Цин (1644–1911)

Пять Хорских княжеств – Дранго, Трехор, Кансар, Масур, Бери, или регион Трехор (Tre hor), представляли собой одно из традиционных политических образований Кхама и находились на территории современных уездов Кандзе (Dkarmdzes, кит. – Ганьцзы), Дранго (Dranggo, кит. – Лухо) и Тау (Rtau, кит. – Даофу) Тибетского автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань в плодородной долине Кандзе верхнего течения реки Ньячу (иначе Дзачу, кит. – Ялунцзян), притока Янцзы. Как писал английский дипломат Уильям Рокхил, «эта долина, обычно называемая тибетцами Хорко (долина Хор)… является самой большой культивируемой землей во всем Восточном Тибете. Ее высота чуть больше 11 000 футов (3 352,8 м.). Река Ялун струится по ее середине, фермы, селения и монастыри густо рассыпаны по ней. Жители – процветающие и богатые, занимаются как выгодной китайско-тибетской торговлей чаем, так и земледелием» [5. P. 75].

Сведения о происхождении Хорских княжеств скорее легендарны, чем исторически реальны. Словом «Хор» в тибетском языке в разные времена обозначались разные понятия. Во времена тибетской империи VII–IX вв. им обозначали уйгуров, затем оно стало использоваться для монголов империи Чингисхана [6. P. 34], а позже для таких политий Восточного Тибета, как княжества Хор и 39 племен Хор [7]. Возникновение первых местная традиция возводит к эпохе Чингисхана, т.е. к XIII в., – времени, когда между чингисидами (Годан-хан, Хубилай-хан) и иерархами школы Сакья из Центрального Тибета (Сакьяпа, Пагба-лама) сложились взаимоотношения «светского покровителя и религиозного наставника» (mcod-yon).

Согласно местным преданиям [1], ученик Сакьяпы Пагба-лама проезжал через Кандзе, когда следовал по приглашению Хубилай-хана к его двору. На своем пути он давал посвящения местному населению и приметил посреди живописной долины место, подобное драгоценной мандале, ныне там находится Ханьжэньсы (Китайский монастырь). Он рассказал о нем Хубилай-хану и посоветовал построить там храм дхармапалы. Тогда Хубилай-хан послал туда принца Цзиньчжэнь (Хоэр Сэвэн) для основания монастыря [8]. Принц, прибыв на место и начав строительство, познакомился там с красивой и доброй местной девушкой. Молодые люди полюбили друг друга, и девушка вскоре забеременела. Перед своим отъездом из этих краев принц поручил девушку заботам предводителя местности по имени Чжавацзинь. Еще он оставил ему монгольские сапоги и тибетский ковер с просьбой в случае рождения сына передать ему эти вещи. В 1278 г. девушка родила мальчика. Его назвали Хор Масанбу (тиб. – «Нежданный ребенок монгола»). Приводятся также слова предводителя девушке: «В прошлом году Хор Сэвэн оставил сапоги и ковер, смысл этого: сидя на коне, править мирянами, сидя на ковре, править монахами. Твой сын крови Хор, в будущем племя Хор станет управлять местностью, возьмет в свои руки политическую и религиозную власть в тибетских регионах севера Кхама, я хочу всю территорию под моим управлением отдать твоему сыну». После этого Чжавацзинь якобы сказал членам своей семьи: «Эта чистая прекрасная земля станет святым местом буддизма под управлением клана Хор, а не точкой опоры бон, я же как можно скорей ухожу из Ганьцзы в монастырь бон Чжадинцинсы» [8].

Из приведенной информации, скорее всего, следует то, что в период монгольских завоеваний на территории Хорских княжеств существовало земледельческое население, исповедовавшее религию бон, предводители которого были одновременно бонскими жрецами. Посещение региона Пагба-ламой способствовало началу проникновения буддийского влияния, вряд ли есть основания говорить о каком-либо его укоренении. Хор Масанбу, судя по всему, – реальный исторический персонаж, о его существовании свидетельствует как само его имя, так и сохранившаяся память о монгольских корнях населения региона, которые могли быть пущены лишь в период монгольских завоеваний.

В течение последующих трех столетий, до XVII в., происходило утверждение представителей клана Хор в качестве правящей знати местного населения. Существуют разные версии генеалогии клана. По одной из них у Хор Масанбу было трое жен и шестеро сыновей, от которых распространился род [1]. Пелджор Пунцог же пишет, что трое жен и сыновей было у 7-го потомка Хор – Намкха Гьялцена. Так или иначе, но точно известно, что раздел владений между потомками клана Хор привел к образованию так называемых Пяти княжеств Хор – весьма необычному политическому образованию Кхама, в котором наследование передавалось не на земли, а на находившиеся у предводителей в подчинении семьи, так что между княжествами не было четких границ, находившиеся в одном месте семьи могли относиться к разным княжествам [3. P. 253].

Среди наследников клана Хор больше всех прославился второй сын Намкха Гьялцена из 8-го колена Хор – Нгаванг Пунцог, построивший по поручению 5-го Далай-ламы в Кхаме в 1660-х гг. 13 Хорских монастырей Гэлукпы. О Нгаванг Пунцоге есть информация в автобиографии 5-го Далай-ламы Нгаванг Лобсан Гьяцо (1617–1682) [9]. В ней сообщается, что последний давал ему посвящения на практику Гуру-пуджи (Bla ma mcod pa), богини Курукуллы (Rig byed ma'i mngon rtogs) и сине-зеленой формы божества (Ваджра Видараны Rnam 'joms ljang sngon thabs) в Амдо в 10-м месяце 1653 г. во время его триумфального возвращения из Пекина после встречи с маньчжурским императором и описываются другие посвящения в 9-м месяце 1654 г. в Лхасе [9. P. 321, 454–455].

Получив в 1654 г. посвящения 5-го Далай-ламы, Нгаванг Пунцог прибыл в Кхам, в 1655 г. при поддержке князя Дэргэ основал первый гелукпинский монастырь на севере Кхама – Гонсар, и стал его первым перерожденцем – *тулку*, а затем начал строить другие

монастыри, всего 13. Нгаванг Пунцог и его сородичи, будучи потомками монголов, стали, подобно различным монгольским и амдосским племенам в Амдо, самыми ревностными приверженцами Далай-ламы и Гуши-хана в Кхаме. Впоследствии влияние 13 монастырей Хор все более возрастало, и они сыграли большую роль в распространении гелукпы во всем Кхаме различными способами, в том числе в подавлении или насильственном преобразовании монастырей бон и «красной традиции» в «желтую».

К середине XVII в., таким образом, произошли основополагающие события в становлении хорской идентичности: утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование Пяти княжеств Хор и принятие ими буддизма традиции гелукпа. Очевидно, что в этом большую роль сыграл монгольский фактор. Китайские источники отмечают, что вторжению Гуши-хана в 1639 г. сопутствовало массовое переселение монголов-хошутов в Кхам [10]. В течение последующих веков, однако, эти монгольские пришельцы практически полностью ассимилировались, так что когда экспедиция Петра Козлова появилась в регионе в 1900 г., она находила в некоторых кхамских политиях население, еще помнившее о своих монгольских корнях, но утратившее свой язык и полностью перенявшее тибетскую культуру [4. С. 421]. Этот процесс тибетизации автохтонных и пришлых этнических групп на окраинах тибетского культурного мира отмечался некоторыми исследователями, так что Джеффри Сэмуэл даже отмечал: «Возможно, что современное тибетское население Кхама является результатом подобных процессов тибетизации, начиная с XVII в. или раньше» [11. P. 85]. И вполне очевидно, что главным фактором ассимиляции было принятие этими группами тибетского буддизма и отказ от своих автохтонных верований.

Тем временем, когда Нгаванг Пунцог устанавливал контакты с Великим 5-м Далай-ламой и Гуши-ханом и строил в Кхаме 13 гэлукпинских монастырей, на арене Внутренней Азии появился новый грозный игрок в лице маньчжуров, образовавших в 1644 г. на территории минского Китая империю маньчжурских императоров династии Цин. Вовлечение маньчжуров в тибето-монгольские дела привело к установлению в 1727 г. между Цинским Китаем и Центральным Тибетом границы на перевале Бум Ла, по которой Хорские княжества оказались на стороне Цинской империи [5. P. 2]. С этого времени регион подпал под номинальный контроль Цинов, с одной стороны, но продолжал испытывать религиозное влияние Лхасы – с другой. Вожди княжеств, однако, балансируя между центрами силы в Центральном Тибете и Китае и сохраняя равновесие сил в регионе, управляли своими владениями по собственному усмотрению.

Относительно спокойное существование Хорских княжеств на протяжении последовавших 250 лет, как, впрочем, и всего Кхама, было нарушено возвышением на юго-западе страны амбициозного лидера Ньяронга – Гонпо Намгьяла, который в 1860 г. нарушил баланс сил в Кхаме, напав и завоевав соседние территории, включая Дэргэ и Пять Хорских княжеств [12]. С этого времени изоляция, столь ревностно культивируемая всеми восточно-тибетскими политиями, дала брешь. После поражения Гонпо Намгьяла с 1865 г. Хорские княжества оказались на этот раз в зоне влияния лхасского правительства и были вынуждены согласиться на присутствие лхасских чиновников. Затем, после казни в Дранго двоих своих соплеменников цинским таотаем Цин Шанем в 1883 г., – на китайский военный пост [3. P. 253–255], а вслед за этим – на все учащавшиеся визиты иностранцев.

При этом достоверные сведения о стране из первых рук американского дипломата Уильяма Рокхилла и русского ученого и разведчика Петра Козлова свидетельствуют о том, что Хорские княжества к концу XIX в. представляли собой сильное автономное политическое образование Кхама, управлявшееся своими предводителями в соответствии с их собственными интересами. За время существования Цинской империи Хорские княжества, несмотря на извечные междоусобицы, превратились в регион очень самобытной культуры, отличительными признаками которой стали тесное переплетение светской и религиозной власти, воинственное население, развитое сельское хозяйство, материальный достаток, замечательная архитектура, особый диалект тибетского языка и, главное, исключительное место монастырей в политической, экономической, социальной и военной сферах жизни местного населения.

«Контроль и Цинов, и Центрального Тибета над Кхамом был непрямым и номинальным. Различные царства Кхама обладали высокой степенью автономии, а события в регионе контролировались местными интересами», – пишет Юдру Цзому [12. P. 30]. Это мнение исследователя прекрасно иллюстрируется эпизодом посещения Хорских княжеств в 1900 г. членами экспедиции Козлова и сопровождавших их лхасского и дэргэсского чиновников. Население Кандзе едва их не растерзало. Глава отряда Цокто Бадмажапов на свое заявление о том, что он имеет при себе паспорта от китайского императора и лхасских властей, получил следующий ответ от жителей города: «Паспорта твои для нас ничего не значат; мы плюем на далай-ламу и знать его не хотим, так как он сам в Лхасу вас не пустил и требовал того же от нас, а между тем теперь посылает *пилинов* (иностранцев. – *И.Г.*) к нам, да еще в сопровождении своих людей. Богдохана мы презираем еще больше; он выдает пилинам паспорта, а сам пешком удирает от них из столицы в Си-ань-фу. Изменники оба и далай-лама, богдохан и мы еще раз плюем на них и бросаем им в глаза пепел. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!» [4. С. 520].

Козлов отмечал: «Все, за счастливым исключением Бадмажапова, были побиты; особенно серьезно пострадал дэргэсский хондо, который был жестоко избит еще тогда, когда Бадмажапов сидел в фанзе; его несчастного били беспощадно и таскали по земле за длинные волосы; в конце концов отняли саблю и шаль, повязываемую вокруг головы» [Там же. С. 522].

В конце правления Цинской династии политика непрямого контроля Кхама со стороны Цинской империи была сменена политикой прямого администриро-

вания (gaitu guiliu), и генерал Чжао Эрфэн «огнем и мечом» прошелся по тибетским землям. Хорские княжества по большей части избежали участи других политий Кхама, чьи монастыри были до основания разрушены, а их защитники казнены. Чжао Эрфэн оставил Хорский регион напоследок и подчинил его только к августу 1911 г., после завершения похода на Лхасу. Но в феврале 1912 г. пала Цинская империя и вместе с нею пал ее жестокий наместник, убитый революционерами в этом же году, а в Восточном Тибете началась новая эра ожесточенной борьбы восточнотибетских политий за свою независимость.

Хорские монастыри в период Китайской республики (1911–1949)

В 1914 г. Китайская республика учредила на территории Кхама Особый административный район Чуаньбянь (Chuanbian xingzhenqu), преобразованный в 1939 г. в провинцию Сикан, в котором уездная система образовывалась на основе традиционных границ кхамских политий. В Хорских княжествах было создано три уезда – Кандзе (Ганьцзы), Дранго (Лухо) и Тау (Даофу), на управление которых назначались ханьские администраторы, однако население продолжало подчиняться только своим светским предводителям и монастырям. Если 40 лет после Синьхайской революции были периодом де-факто независимости Центрального Тибета, то для Кхама это было временем тотальной войны «всех против всех». Основной узел борьбы концентрировался вокруг сино-тибетского противостояния, в котором кхамские политии выступали на той или иной стороне. Хорский регион наряду с Дэргэ и Ньяронгом всегда оказывался в эпицентре конфликта и балансировал между этими центрами силы в зависимости от своих собственных интересов. Знаменитый тибетский революционер Баба Пунцог Вангьял говорил о своей родине Кхаме в ту пору: «В нашем политически уязвимом регионе альянсы были изменчивы и нестабильны, а обещания не тверды» [13. P. 11].

В Хорском регионе влияние гэлукпинских монастырей было, пожалуй, самым сильным во всем Кхаме, если не считать Чамдо, относившегося к территории под управлением Далай-ламы. Сведения по монастырям в китайских источниках сильно разнятся. На основании «Избранных материалов по тибетским монастырям» [2] мы составили таблицу по Хорским монастырям и для сравнения добавили монастыри Литан и Санполин.

Хорские монастыри

Название монастыря	Год основания	Кол-во монахов в 1937 г.	Кол-во монахов в 1956 г.	Кол-во монахов в 1989 г.
Ганьцзы	1663	4 500	3 300	?
Даргье	1662	2 500	3 750	?
Шоулин	1650	1 900	900	494
Линцюэ	1662	900	1 900	330
Литан	1580	1 800	4 371	600
Санполин	1669	2 200	?	7

Следует отметить, что во всех материалах сборника большой разнобой в цифрах, поэтому таблица отражает лишь приблизительные масштабы монастырей традиционного и посттрадиционного Кхама. В отношении первого в материалах сборника констатировалось, что в 1956 г. в округе Ганьцзы в общем насчитывалось 495 монастырей, 64 000 лам, монахов и монахинь, или 13% общего населения округа [Ibid. P. 81]. В уезде Ганьцзы отмечалось самое высокое соотношение монахов и населения, составлявшее по разным оценкам от 31 до 41,8%. Кроме того, в отношении Хорских монастырей особо подчеркивались чрезвычайно высокая степень переплетения светской и религиозной власти, вмешательство или, вернее, активное участие монастырей во всех политических процессах, огромное имущество в виде «крепостных», земель и пастбищ, большая связь с правительством Далай-ламы и лхасскими монастырями. В отношении посттрадиционного Кхама таблица свидетельствует о том, что главные кхамские монастыри перестали существовать в качестве важнейшего института традиционного Тибета.

Хорский регион со своими монастырями, будучи наряду с Дэргэ и Ньяронгом яблоком раздора между Центральным Тибетом и Китаем, принимал самое активное участие во всех сино-тибетских конфликтах. Монастырь Даргье был наиболее приближенным к Лхасе и всегда выступал на ее стороне. В 1911 г., когда вспыхнула Синьхайская революция, более 300 монахов монастыря Даргье, обучавшиеся в тот период в лхасских монастырях, приняли непосредственное участие в боях с расквартированной в Лхасе китайской армией и ее изгнании из Центрального Тибета. Сообщается, что 13-й Далай-лама наградил их за это на специальной церемонии, сформировал из них монашеский корпус тибетской армии, предоставил знамя и горн, 500 стволов английских винтовок и 250 тысяч патронов [Ibid. P. 171].

Монастырь Нинцо (1 900 лам в 1950-х гг.) в Даофу ближе всех находился к Дарцедо (Кандину), и там по Пекинской конвенции был построен в 1862 г. католический храм, возбуждавший огромную ненависть монахов. В 1912 г. в Даофу был организовал антикитайский мятеж под руководством Бэньда-ламы из Нинцо-гонпа, в результате которого было совершено нападение на уездное правительство *яшу*, сожжен католический храм, арестован начальник уезда, французский и китайский миссионеры едва не лишились жизни (иностранному священнику вырвали бороду и усы и поставили на коленях перед толпой на площади) [Ibid. P. 210]. После подавления мятежа монастырь превратили в военный лагерь, а храм хранения Ганджура – в скотобойню. Благодаря посредничеству двух тулку монастыря – Пэннун и Ука – удалось уладить конфликт. Монастырь с помощью остальных хорских районов возместил убытки католического храма и отстроил его заново, после чего правительство вернуло монастырь этим

тулку, которые с тех пор стали его настоятелями, а монастырь возобновил свою деятельность [Ibid].

В 1917 г. произошел очередной сино-тибетский конфликт. Под предлогом нарушения границы тибетскими солдатами, косившими траву на китайской стороне, генерал Пэн Жишэн решил самовольно нарушить сино-тибетскую Симлскую конвенцию и попытаться совершить поход на Лхасу по примеру Чжао Эрфэна. Ему, однако, это не удалось, он был взят в окружение тибетской армией и капитулировал в апреле 1918 г. [12. P. 54]. «Армия монахов» монастыря Даргье, естественно, выступила на стороне тибетских войск, оказав им существенную помощь, за которую Лхаса отблагодарила их людьми и землями [2. P. 172]. Конфликт был разрешен только с помощью английского консула Тейчмана, в результате чего стороны разошлись в соответствии со старым разграничением XVII в., по которому Кандзе оставался на китайской стороне, но Дэргэ отходил на сторону Лхасы.

В 1930 г. междоусобный конфликт между предводителем (*тусы*) Бери и монастырем Даргье (Da-Bai shijian) стал предлогом для сино-тибетской войны [14. P. 221–224]. *Тусы* Бери пригласил геше-ламу из монастыря Даргье по имени Сила стать настоятелем своего семейного храма Гонэнсы, пообещав выделить ему 15 дворов крепостных. Однако вскоре отношения между последними испортились из-за того, что Сила «пользуясь властью, угнетал сельчан и заводил любовниц» [2. P. 172]. Ссора вскоре достигла огромного масштаба и переросла в вооруженные столкновения между сторонами. На сторону Бери встал главнокомандующий Сикана генерал Лю Вэньхуэй, на его стороне также выступили чиновники Панчен-ламы, за монастырь Даргье вступилась Лхаса, в результате чего развязалась война, продлившаяся два года. Сначала тибетские войска наступали и захватили большие территории верховья Янцзы, включая Кандзе и Ньяронг. 24-я армия Лю Вэнхуэя, однако, контратакой выбила оттуда тибетские силы и к тому же захватила Дэргэ, который Лхаса контролировала со времени предыдущего конфликта. Победе армии Сычуани способствовало вступление в конфликт армии мусульманского диктатора Цинхая – Ма Буфана – в районе Нанчен. В результате военных действий был разрушен и сожжен монастырь Даргье, большая часть лам бежала в Центральный Тибет. В октябре 1932 г. Лю и тибетцы подписали перемирие, по которому Янцзы оставалась де-факто границей вплоть до 1950 г., когда войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК) пересекли ее и захватили Чамдо и тибетскую часть Кхама.

В конфликте 1930–1932 гг. монастырь Кандзе не поддержал Даргье, несмотря на то что тоже являлся гэлукпинским монастырем, а, напротив, помог 24-й армии атаковать соседний монастырь вследствие своих связей с Гоминьданом. В то время 17 высших лам монастыря были его членами, настоятель главный тулку тоже был членом Гоминьдана, главным советником уездных властей, членом партийной контрольной комиссии уезда и «послом буддизма Юго-Запада». Сообщается, что власти Сикана для обеспечения поддержки своего правления «прикидывались» верующими и заигрывали с монастырем, ежегодно делали подношения 400 ящиками чая, заказывали службы, раздавали деньги, защищали монастырский бизнес. В 1938 г. в монастыре произошел «инцидент Ганьцзы» (Ganzi shijian), когда тулку Сянгэн стал агитировать за изгнание китайцев, однако большинство монахов под руководством тулку Чунса выступило против [Ibid.].

В 1936 г. на территории Хор появилась Красная армия КПК, совершавшая свой Великий поход и с боями пробивавшаяся на север. На своем пути через Восточный Тибет она встретила крайне враждебное население и только в Кандзе будто бы смогла установить дружеские отношения с группой тибетцев и создать Тибетское (Бодпа, кит. – Боба) правительство [15. P. 126]. Однако в Даофу монастырь Нинцо оказал вооруженное противодействие продвижению Красной армии. В монастыре были сделаны укрепления, поставлены караулы, прорыты канавы. После того, как Красная армия вошла в уезд, Сыда гэнба дважды посылал «отряды смерти» из 30 лам захватить бастион за горой, однако они были разбиты, десять с лишним лам были убиты и ранены. Когда монастырь был окружен, все ламы, перепрыгнув через стену, разбежались [2. P. 210].

Как видно из приведенной информации, в период существования Китайской республики Хорский регион наряду с Дэргэ и Ньяронгом стал яблоком раздора между лхасским правительством, с одной стороны, и Гоминьданом, сычуаньскими милитаристами и, в конце концов, КПК – с другой. Между военными группировками с китайской стороны не было никакого единства и согласованности действий, как это было при Чжао Эрфэне, олицетворявшем монолитность и мощь Цинской империи. Центральный Тибет, став де-факто независимым, смог перевооружить свои войска и добиться ощутимых успехов, как, например, в конфликте 1918 г. Очевидно, что из двух «зол» Хорским монастырям и светским лидерам была более предпочтительна Лхаса. Однако учитывая, что Лхаса далеко, а Китай (Кандин) близко и вряд ли оставил бы их в покое, они балансировали между ними, придерживаясь различных стратегий борьбы, начиная от решительного противодействия до альянсов с ним, как в случае с монастырем Кандзе. Как пишет Джун Дрейер, «будучи, несомненно, больше тибетцами, чем ханьцами, кхампа, однако, поняли, что посредством альянса со слабым ханьским правительством против сильного лхасского можно для себя выиграть некоторую степень автономии» [16. P. 34]. Очевидно, что и в период существования Китайской республики ни она, ни Лхаса не имели контроля над регионом, и он продолжал управляться своими традиционными лидерами и монастырями в соответствии с их интересами.

Хорский монастырь Нинцо-гонпа в современный период

Полный контроль над Кхамом осуществила КПК. В конце 1949 г. остатки гоминьдановского правительства и войск попытались найти прибежище в Сикане, но из-за отступничества губернатора Сикана Лю Вэньхуэя попали в ловушку коммунистов в Яани, так что

31 декабря 1949 г. власти вновь образованной КНР провозгласили полное завоевание Китая за исключением Тайваня и Тибета [16. P. 87]. В 1950 г. на территории Кхама был создан Тибетский автономный район провинции Сикан, в 1955 г. – Тибетский автономный округ (ТАО) Ганьцзы провинции Сычуань (провинция Сикан была ликвидирована), в округе образованы один город уездного значения Кандин и 17 уездов, среди которых Ганцзы, Лухо и Даофу соответствовали территории бывших Пяти княжеств Хор. В 1955–1956 гг. в Сычуани было проведено перераспределение земли под лозунгом «демократических реформ», приведшее к всеобщему кхамскому восстанию, которое затем перекинулось в Центральный Тибет. Последовавшая через десять лет «культурная революция» (1966–1976) полностью разрушила традиционные институты Кхама и тибетский образ жизни [17, 18], нанеся огромный урон сино-тибетским отношениям. В 1980 г. КПК признала ошибки «культурной революции» в Тибете и взялась за их исправление, начав полномасштабные реформы во всех сферах жизни региона, что привело к быстрому росту доходов населения, восстановлению монастырей и возрождению культуры.

Наряду со всеми монастырями этнографического Тибета начал возрождаться и восстанавливать свое влияние Хорский монастырь Нинцо-гонпа, расположенный в уездном поселке Сяншуй уезда Тау (Даофу). Название Тау по-тибетски означает *жеребенок*, существует много различных местных преданий о лошади и жеребенке. Считается, что контуры уездного поселка напоминают по форме лошадь. Местность является одной из самых красивых в Восточном Тибете. Расположенная в плодородной долине реки Чжечу (кит. – Сяньшуй) на сравнительно небольшой для Тибета высоте – чуть выше 3 000 м, она отличается мягким климатом, богатой растительностью и обильными урожаями. Нарядные дома жителей Тау, первый этаж которых каменный, а второй из круглого дерева, выкрашенного в бордовый цвет, замечательно выглядят в окружении цветущих полей, тополей, вязов на фоне отдаленных гор. Особый диалект региона, объясняемый по некоторым версиям миграцией в эти края амдосских монголов или тангутов Сися, побуждает жителей в большей, нежели в других регионах, степени использовать китайский язык в общении с другими этно-локальными группами Тибета. И вообще регион, вследствие плодородия своих земель и нахождения на караванном тракте между Сычуанью и Лхасой, всегда привлекал китайскую миграцию, так что в настоящее время ханьское население двух поселков уезда уже превысило местное тибетское. Исторически местность управлялась четырьмя *тусы* – Минчжэн, Даньдун, Машу и Кунса. В период Цин там был установлен один из шести военных пунктов, имелся католический храм. В период Китайской республики в 1935 г. был создан Комиссариат по умиротворению Сикана (Xikang xuanweishi gongshu). В 1936 г. образовано Тибетское правительство (кит. – Боба) уезда Даофу.

До «демократических реформ» в уезде было 36 монастырей и 5 825 священнослужителей, среди них гэлукпинских соответственно 10 и 3 120, ньингмапинских – 16 и 1 300, бонских – 9 и 605, сакья – 1 и 50 [2. P. 206]. Среди них Нинцо-гонпа – самый большой и главный гэлукпинский монастырь. Его название означает в зависимости от написания либо «Море рыбы» (nya mtsho), либо «Солнечное море» (nyin mtsho), чаще используют последнее. По одному из преданий, на месте монастыря были горы и пещеры тигров, оно славилось сильными бонскими жрецами. Один из них – Юндру Гьялцен – будто бы уступил эти места буддистам [1. P. 4]. По другой легенде, на месте уезда было высокогорное озеро, на месте которого возникла плодородная речная долина [2. P. 208]. Хор Нгаванг Пунцог (см. выше) выбрал это место в 1662 г. для основания гэлукпинского монастыря, назвав его по имени горы, у подножия которой был построен монастырь. Сообщается, что монастырь устраивал большие гонения на ньингмапу и бон, так что постепенно гэлукпа заняла все сельскохозяйственные зоны, вытеснив ньингмапинские монастыри в скотоводческие районы, а бон – в отдаленные каньоны [Ibid. P. 205–208]. Как отмечалось выше, монахи монастыря были известны своей воинственностью и постоянно участвовали в различных конфликтах с властью.

Монастырь сравнительно небольшой, построен в традиционном тибетском архитектурном стиле, состоит из трех основных зданий: Гонкхан, в котором находятся статуи главных гэлукпинских защитников, Дунтэн, в котором поставлена ступа Понлоб Ринпоче, и Дукхан – большой молитвенный зал на 1 200 монахов. На втором этаже устроены специальные апартаменты для Далай-ламы и Панчен-ламы. Поскольку монахи монастыря традиционно проходили обучение в Лхасе, его организационное управление следовало главным гэлукпинским монастырям Центрального Тибета. Главный совет монастырского собрания состоял из перерожденцев монастыря *тулку* (sprul sku), хранителей-секретарей *чандзо* (phyag mdzod), ученых лам *геше*, главного настоятеля *кенпо*, казначея *ньерпа* (gnyer pa), главного управляющего настоятеля *чиба* (khri-pa), имелись три колледжа-*дацана* (grwa tshang). В 1950 г. в монастыре было 1 900 монахов, 13 *тулку*, 4 *чандзо*, 15 *геше*.

Монастырь серьезно пострадал во время «демократических реформ» и «культурной революции» и совершенно опустел. Но в 1981 г. он был вновь открыт, во главе поставлен старый лама Дамдин Церинг. С этого времени до 1995 г. монастырь интенсивно возрождался, туда приезжали тибетские ламы из Индии и давали посвящения, местные монахи уходили в Индию на учебу в тибетских монастырях, открытых диаспорой. Большими событиями для монастыря стали приезды в 1986 г. 10-го Панчен-ламы и в 1992 г. из Индии главного *тулку* монастыря Пананга Ринпоче, он умер на следующий год. К 1993 г. количество монахов увеличилось до 700 человек.

В то время монастырь считался патриотическим и очень близким правительству (здесь и далее основные сведения получены от тибетских информантов – жителей уезда [19]). Когда происходили демонстрации в Лхасе в 1989 г., монастырь встречал китайских военных с тромбонами, не обращая внимания на критику

со стороны других монастырей. Хорошие отношения, однако, начали портиться с 1995 г., когда между китайским правительством и 14-м Далай-ламой произошел большой конфликт по поводу перерождения скончавшегося в 1989 г. 10-го Панчен-ламы. В Нинцо-гонпа, как и во всех остальных монастырях этнографического Тибета, начали проводить сессии патриотического воспитания, на которых монахам вменялось в обязанность отречение от Далай-ламы и признание избранного правительством Панчен-ламы. Недовольство монахов и монахинь также вызвало принудительное фотографирование для удостоверений личности монаха. Думая, что фотографии делаются в рамках кампании дискредитации Далай-ламы будто бы для предъявления заграницe доказательств того, что сфотографировавшиеся – против Далай-ламы и за нового Панчен-ламу, монахи стали массово уходить из монастыря, так что к 2005 г. в нем осталось около 200 человек.

В 2007 г. в монастыре состоялись выборы главного управляющего-настоятеля *чиба*. Из трех кандидатов, вернувшихся с учебы в индийских монастырях, подавляющим большинством был избран Сангъе Гьяцо, проработавший в должности семь лет до 2014 г. Во время его руководства в монастыре и уезде в целом произошли большие изменения. В первую очередь в монастыре навели порядок в дисциплине и образовании монахов. До этого монахи не придерживались никакого распорядка, свободно приходили и уходили из монастыря. Университет то открывался, то закрывался, учились только читать молитвы и бить в барабаны. В 2010 г. были проведены реформы во всех монастырских делах. Это произошло после совместного собрания руководства ста с лишим монастырей, организованного настоятелями буддийского университета Сэрта – Цзычэн Лочжу и Содарчже, на котором были обсуждены многие важные вопросы религии и образования. После него было проведено трехдневное собрание Нинцо-гонпа, которое постановило, что все монахи до 30 лет должны учиться в университете, монахи до 45 лет должны участвовать в философских диспутах, монахи от 45 до 65 лет ежедневно читать Ламрим. Заупокойные службы и другие требы стали централизованно организовываться через монастырь, на них стали отправлять монахов старше 30 лет. В монастырь начали возвращаться отучившиеся в Индии монахи, сейчас в нем уже более 10 геше, ежедневно стал работать буддийский университет.

Много времени и усилий понадобилось для того, чтобы добиться разрешения на проведение большого молебна Цзянъян Гунцюэ, который был в итоге совершен 10 июня 2013 г., после чего его стали проводить ежегодно. Большое внимание монастырь уделяет непосредственному общению с населением. Так, руководство монастыря призвало народ «пяти сел и одного поселка» не носить с собой ножи, не драться, не пить, не красть. В результате, как говорят жители, сейчас в уезде никто не охраняет стройки и полностью прекратилось воровство. По всеобщему мнению, это благотворный результат постоянной работы монастыря с народом. Монастырь также помогает в коммерческих и семейных тяжбах, за несколько лет им было разрешено более ста дел.

В 2008 г. весь этнографический Тибет охватили широкомасштабные волнения. Монастырь Нинцо также принял в них участие. Во время демонстраций были ранены 11 человек, более 20 арестованы. Люди тогда вышли на перекресток и сели, отказываясь уходить до тех пор, пока не отпустят арестованных. В результате задержанные были отпущены. В 2009 г. местные власти решили добывать полезные ископаемые в районе местной священной горы. Жители уезда при участии монастыря выразили решительный протест, в результате чего разработки прекратились.

В 2010 г. монастырь решил отметить день рождения Его Святейшества Далай-ламы 6 июля восхождением на местную священную гору Маниньбэньла, совершением ритуалов и молитв, после чего было сделано небольшое видео и изготовлена памятная тарелка, которые монастырь использовал в качестве подарков. Об этом стало известно властям, и поэтому в следующем 2011 г. в день рождения Далай-ламы прибыло большое количество военных, которые окружили всю гору и запретили людям подниматься на нее. В то время на гору также пришли монахини из соседнего женского монастыря, всего было более тысячи людей. Когда военные остановили монахинь, нацелив на них ружья, последние очень рассердились, и ситуация грозила выйти из-под контроля. Все монахи Нинцо-гонпа собрались в монастыре, а их главные ламы пошли к месту происшествия и, встав между военными и монахинями, с трудом уговорили последних уйти обратно, в результате чего инцидент был улажен. Между тем оказалось, что свидетелями происшествия стали китайские туристы, которые все засняли на видео и выложили в Интернет. Уездные власти, узнав про видео, решили, что это сделал монастырь, и в качестве наказания отключили в нем электричество и воду. Конфликт пытался уладить Департамент Единого фронта, однако уездный партком потребовал от монастыря извинений по телевидению. Руководство монастыря, считая, что они ни в чем не виноваты, а, напротив, заслуживают признания за улаживание конфликта, категорически отказались извиняться.

Через 40 дней после отключения электричества и воды, 15 августа, монах монастыря Нинцо-гонпа по имени Цеван Норбу, 29 лет, первым из жителей уезда совершил самосожжение перед зданием уездного правительства. Это событие привело в шок монахов и население уезда. Власти округа в этот же день включили воду и электричество. Когда полиция пыталась увезти тело, сделать это не позволили местные жители, которые отнесли его в монастырь, где после были проведены поминальная церемония и кремация. 3 ноября на том же самом месте, где совершил самосожжение Цеван Норбу, сожгла себя монахиня по имени Палден Чойцо, 35 лет. Ее тело также принесли в монастырь и провели поминальную церемонию. Видео было выложено в Интернет. На нем видно, как толпа людей, выстроившись в очередь, подносят хадаки, монахи читают молитвы, а со склона горы появляются войска и полицейские машины. В последующие годы в уезде

произошло еще четыре самосожжения: 11 июня 2013 г. – Ванчен Долма, 31 год, монахиня; 15 апреля 2014 г. – Тинле Намгьял, 32 года, крестьянин; 23 декабря 2014 г. – Келсанг Еши, 35 лет, крестьянин; 20 мая 2015 г. – Данцзен Гьяцо, 35 лет, крестьянин [20. P. 96–102].

Из-за самосожжений отношения между монастырем и властями накалились до предела. В каждом случае происходила борьба за тело погибшего, так как по распоряжению сверху тела самосожженцев отбирают у родственников под предлогом предотвращения массовых беспорядков. Обе стороны обвиняли друг друга в происходящем. По мнению властей, протесты и самосожжения были организованы монастырем под влиянием «клики Далая» и враждебных Китаю сил. Монастырь, в свою очередь, всю вину возлагал на политику властей: сессии патриотического воспитания, принудительные регистрацию и фотографирование, запрет празднования дня рождения Далай-ламы, отключение воды и света, огромное количество военной полиции в регионе. Апогей мер безопасности пришелся на июнь 2015 г., когда Далай-ламе исполнялось 80 лет. В тибетский регион было стянуто беспрецедентное количество войск и служб безопасности, повсюду были отключены сотовая связь с другими регионами и заграницей, Интернет, запрещалось посещать святые места, возжигать можжевельник, собираться больше пяти человек вместе. Монастырь тем не менее отметил юбилей Далай-ламы проведением молебствия внутри монастыря, запретив посторонним вход в него.

Таким образом, на примере монастыря Нинцо-гонпа мы видим, как буддийская религия и тибетская монастырская система вновь возвращают свое положение в жизни региона, утраченное во время «демократических реформ» и «культурной революции», несмотря на полной контроль, осуществленный китайским правительством над некогда непокорным регионом. Монастырь Нинцо вновь становится консолидирующей силой, способной мобилизовать население и оказывать влияние на местную политику.

Итак, подводя итог нашему исследованию, обобщим его основные результаты. История Трехор восходит к XIII в. и связана с завоеванием Тибета чингизидами. К XVII в. произошло утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование Пяти княжеств Хор и возникновение 13 Хорских монастырей традиции гэлукпа. В период правления династии Цин Хорские княжества находились под номинальным контролем империи, но, по существу, автономно управлялись своими светскими правителями и монастырями. В конце правления Цинской династии империя смогла на короткий период осуществить полный контроль над регионом, который был вновь утрачен в период Китайской республики. С этого времени Хорские княжества наряду с Ньярнгом и Дэргэ стали объектом сино-тибетских разногласий и, балансируя между двумя этими силами, продолжали сохранять свою автономию вплоть до победы коммунистов в Китае и образования КНР. В период инкорпорации региона в состав Китая в нем произошли колоссальные изменения, начиная от тотального разрушения всех традиционных институтов до восстановления религии и монастырской системы. На примере монастыря Нинцо-гонпа можно увидеть, что буддийская религия и тибетская монастырская система не только обеспечивают сохранность и преемственность традиционной тибетской культуры и тибетского образа жизни, но также восстанавливают свои социальные функции и, более того, начинают оказывать значительное влияние на местную политическую повестку дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. dPal 'byor phun tshogs. Chossde chenpo rTau Nyin mtsho dgonpa'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhusgs so. 2002. 235 p.
2. Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian. Chengdu : Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui, 1989. 417 p.
3. Rockhill W. The Land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. New York : Century, 1891. 399 p.
4. Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1906. Т. 1, ч. 2. 735 с.
5. Teichman E. Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge : University Press, 1921. 248 p.
6. Stein R.A. Tibetan Civilization. Stanford, CA : Stanford University Press, 1972. 351 p.
7. Karmay S.G. The Thirty-Nine Tribes of Hor: a Historical Perspective // The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Kathmandu : Mandala Book Point, 2014 [2005]. Vol. 2. P. 504–517.
8. Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide // Ganzi xinwenwang. URL: http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html (дата обращения: 01.03.2016).
9. Nag-dban-blo-bzan-rgya-mtsho. The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama / transl. by S.G. Karmay. Serindia Publications, 2014. 589 p.
10. Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai // Xinxian shenghuo lüxing. URL: http://www.51fresh.com/article191.html (дата обращения: 26.03.2014).
11. Samuel J. Civilized shamans. Buddhism in Tibetan societies. Washington ; London : Smithsonian Institution Press, 1993. 725 p.
12. Yudru Tsomu. The Rise of Gönpo Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong. Lexington Books, 2004. 365 p.
13. Goldstein M., Dawei Sh., Siebenschuh W.R. A Tibetan revolutionary: the political life and times of Bapa Phüntso Wangye. Berkeley : Los Angeles ; London : University of California Press, 2004. 371 p.
14. Goldstein M. A History of Modern Tibet, 1913–1951. The Regents of the University of California, 1991. 898 p.
15. Stoddard H. Tibetan Publications and National Identity // Resistance and Reform in Tibet. Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 1994 [1966]. P. 121–156.
16. Dreyer J.T. China's Forty Millions. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1976. 333 p.
17. Shakya Ts. The Dragon in the Lands of Snows. A History of Modern Tibet since 1947. Penguin Compass, 1999. 574 p.
18. Goldstein M. A History of Modern Tibet. Berkeley ; Los Angeles ; London, 2007. Vol. 2: The calm before storm, 1951–1955. 639 p.
19. Полевые материалы автора.
20. Wei Se. Xizang huo fenghuang. Taipei : Dakuai wenhua chuban gufen gongsi, 2014. 465 p.

Irina R. Garri, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irina.garri@imbt.ru

HOR MONASTERY NYINTSO-GONPA: HISTORY AND MODERNITY

Key words: Nyintso-gonpa, Tibetan Buddhist monastery, Eastern Tibet, Hor states.

The Nyitso-gonpa monastery is one of the Thirteen Hor monasteries of Kham. It is located in the town of Xiangshui, Tau county (Chin. Daofu), Kandze Tibet Autonomous Prefecture (Chin. Ganzi), Sichuan Province. The Hor region was one of the traditional Kham polities. Historically the Nyitso-gonpa monastery had great influence in it, not only in religious, but also in political and economic spheres, exercising political power in the region in close relationship with secular rulers. Yet, the separation of religion from the state, executed during the 1956 'democratic reforms' and the 'cultural revolution' in 1966-1967, undermined the subsistence of the monastery, and it practically ceased to exist. In turn, the full-scale reforms promoted after the death of Mao Zedong stimulated its blooming revival and restoration of its former functions in the local society.

Since the topic is poorly investigated in Tibetan and Chinese Studies, the main task of the article was to present the phenomenon of Hor and the Nyitso-gonpa in its historical perspective and present stage in the context of the Mongol-Tibetan and Sino-Tibetan relationships in Kham. The principal trajectory of research and the main conclusions are the following: The history of Hor goes back to the 13th century and is connected with the conquest of Tibet by the Mongols of Genghis Khan. By the 17th century representatives of the Hor clan have become the secular leaders of the local population, the Five Hor states were established, and the Thirteen Hor monasteries of the Gelugpa order had emerged. During the Qing reign, the Hor states fell under the nominal control of the empire, but were in fact autonomously ruled by their secular chiefs and monasteries. At the end of the Qing dynasty, Beijing gained, for a short time, full control over the region, which, however, was again lost during the period of the Republic of China. Since those times the Hor states along with Nyarong and Derge have been a disputed object in the Sino-Tibetan conflict, but by balancing between these two centers of power, could maintain their autonomy until the communists' victory in China and the establishment of the PRC. During the period of its incorporation into China the region has undergone tremendous changes, from the total destruction of all traditional institutions to the restoration of religion and the monastic system. Using the example of the Nyitso-gonpa, one can see both the transformation of the Tibetan monastic system and its role in the Sino-Tibetan borderlands at the present time. Constituting still the core of traditional Tibetan politics and identity the Tibetan monastic system not only ensure the preservation and continuity of Tibetan culture and lifestyle, but also restore its own social functions and, moreover, make a significant impact on the local political agenda.

REFERENCES

1. Anon. (2002) *dPal 'byor phun tshogs. Chossde chenpo rTau Nyin mtsho dgonpa'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhusgs so.* [s.l.; s.n.].
2. Anon. (1989) *Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian*. Chengdu: Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui.
3. Rockhill, W. (1891) *The Land of the Lamas: Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet*. New York: Century.
4. Kozlov, P.K. (1906) *Mongoliya i Kam. Trudy ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, sovershennoy v 1899-1901 gg. pod rukovodstvom P.K. Kozlova* [Mongolia and Kam. Proceedings of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society in 1899–1901 Lead by P.K. Kozlov].Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
5. Teichman, E. (1921) *Travels of a Consular Officer in North-West China*. Cambridge: University Press.
6. Stein, R.A. (1972) *Tibetan Civilization*. Stanford, California: Stanford University Press.
7. Karmay, S.G. (2014) *The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet*. Vol. 2. Kathmandu: Mandala Book Point. pp. 504–517.
8. Anon. (2016) Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide. *Ganzi xinwenwang*. [Online] Available from: http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html (Accessed: 1st March 2016).
9. Karmay, S.G. (2014) *The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama*. Serindia Publications.
10. Anon. (n.d.) Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai. *Xinxian shenghuo lüxing*. [Online] Available from: http://www.51fresh.com/article191.html (Accessed 26th March 2014).
11. Samuel, J. (1993) *Civilized shamans. Buddhism in Tibetan societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press.
12. Yudru Tsomu. (2004) *The Rise of Gönpo Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong*. Lexington Books.
13. Goldstein, M., Dawei Sherab & Siebenschuh, W.R. (2004) *A Tibetan revolutionary: the political life and times of Bapa Phüntso Wangye*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
14. Goldstein, M.A. (1991) *History of Modern Tibet, 1913–1951. The Demise of the Lamaist State.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
15. Stoddard, H. (1996) Tibetan Publications and National Identity. In: Akiner, Sh. & Barnett, R. (eds) *Resistance and Reform in Tibet*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers. pp. 121–156.
16. Dreyer, J.T. (1976) *China's Forty Million*s. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press.
17. Shakya, Ts. (1999) *The Dragon in the Lands of Snows. A History of Modern Tibet since 1947*. Penguin Compass.
18. Goldstein, M.A. (2007) *History of Modern Tibet*. Vol. 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
19. Author's field materials.
20. Wei Se. (2014) *Xizang huo fenghuang*. Taipei: Dakuai wenhua chuban gufen gongsi.